

В. Погребная

*доктор филологических наук,
профессор кафедры журналистики
Запорожского национального
технического университета*

Н. Козленко

*преподаватель кафедры
славянской филологии
Запорожского национального
технического университета*

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗООЛОГИЧЕСКИХ УПОДОБЛЕНИЙ В РОМАНАХ Н.С. ЛЕСКОВА И МАРКА ВОВЧКА

Явления нигилизма и женской эмансипации в России 60-х годов XIX века не были однородными. Многие публицисты, писатели выступили против перегибов и уродливых сторон этих явлений, которыми была богата русская действительность. Изображению уродливых искажений этих идей посвящено немало страниц прозы писателей второй половины XIX века: Марка Вовчка (псевдоним Марии Александровны Вилинской), автора романов «Живая душа» (1868 г.), «В глуши» (1875 г.), и Николая Семёновича Лескова, перу которого принадлежат романы «Некуда» (1864 г.), «На ножах» (1870 г.).

Сатира как один из способов отражения действительности в литературе предполагает высмеивание и изображение отрицательных общественных явлений, выражает определенный подход к действительности, прямо демонстрирует авторскую позицию. Сатирическое восприятие реальности в произведении искусства реализуется в различных формах, приобретает множество оттенков. Подвергая осмеянию действительность, далекую от идеала, сатирики могут использовать приемы, предполагающие отступление от внешнего правдоподобия: например, гиперболу, пародию, шарж, карикатуру, гротеск. Средством создания сатирической картины действительности могут выступать и зоологические уподобления, которые часто используются Марком Вовчком и Н.С. Лесковым.

Природа сатирического дара этих писателей привлекла внимание многих литературоведов, например, А.И. Белецкого [1], М.С. Горячкиной [4], Н.Е. Крутиковой [6], Жан-Клода Маркадэ [11], Н.Н. Старыгиной [13], М.С. Столяровой [14], В.Ю. Троицкого [15] и др., однако они не акцентировали внимание на наличии анималистических параллелей, зоологических уподоблений в творчестве упомянутых писателей.

Цель нашего исследования – установление функций и механизмов зоологических уподоблений в романах Марка Вовчка и Н.С. Лескова. Почему произведения именно этих авторов стали объектом нашего внимания? Романы Н.С. Лескова – антинигилистические, а Марка Вовчка – нигилистические (эти произведения «полемиические» по терминологии Н.Н. Старыгиной [13]), на первый взгляд, авторы должны демонстрировать разные полюса отношения к нигилизму и женской эмансипации. Однако зоологические уподобления, используемые этими писателями, выявляют их схожие позиции по отношению к «напускной» эмансипации, псевдолиберализму, помогают понять ироническое отношение авторов к этим явлениям.

В романах Марка Вовчка «Живая душа», «В глуши» ведущими являются проблемы женской эмансипации, общественного служения. В центре этих романов – образы «новых женщин». Использование зоологизмов служит средством создания тех женских художественных образов, которые временно «сопутствуют» главным героиням. Они не разделяют мыслей и стремлений главных героинь, их жизнь пуста и суетна. Портретные детали и яркие сравнения помогают писательнице передать внутреннюю суть поповны Луши, стремящейся к выгодному замужеству. Она – «востроносая и востроглазая» [3, с. 385]. Хрущов помнил поповну и её подругу ещё девочками, «которые по большим праздникам сидели на конце чайного стола, безмолвные и жадные, как карпы» [3, с. 385]. Марко Вовчок как нельзя лучше передаёт характер Луши, описывая её движения. Например, она «вбьюркнула <...>, села на кресло, тотчас же вскочила, села на другое, потом опять на то же, напоминая мятущуюся муху, от которой сахарный пирог прикрыли стеклянным колпаком» [3, с. 498].

С не меньшей иронией изображаются Марком Вовчком приживалки. И.Л. Савкина отмечает в статье «Образы тетушки и приживалки в аспекте «гендерной поэтики» (на материале прозы Марии Жуковой и Елены Ган)»: «Приживалка – это та, у которой нет никакого своего места и никакой собственной роли, её маргинальность абсолютна – это, как правило, женщина без мужа (старая дева или вдова), без сексуальной привлекательности (обычно пожилая и некрасивая), без денег» [12, с. 44]. Не имея свободы самореализации, приживалки присваивают себе функцию наблюдателя, контролёра за соблюдением «приличий». Они являются собирателями слухов, их распространителями.

Приживалка и экономка помещицы Князьевой, Анна Ларивоновна (роман «В глуши»), с иронией называется писательницей «приближённой фрейлиной» [2, с. 382]. Не менее ироничным является её портретное описание, в котором М. Вовчок использует несколько сравнений, в том числе и «зоологическое»: «Уж полноте насмеяться, Евдоким Евдокимович, – отвечала Анна Ларивоновна, развязывая бантик тюлевой косыночки, открывая большую, чёрную, как таракан, бородавку под подбородком и обнажая чёрную голову, украшенную высоким

роговым гребнем, который придерживал на затылке свитую шариком косу, напоминавшую облачённый в чернила грецкий орех средней величины» [2, с. 488]. Эта приживалка движется «бесшумно, свободно, быстро, как скорпион» [2, с. 382]. Такое сравнение раскрывает внутреннюю суть Анны Ларивоновны, которая была старой дево́й (она называла себя «христовой невестой» [2, с. 477]), любила «выслеживать романтические истории» [2, с. 477], шпионить и подслушивать. Марко Вовчок уподобляет приживалку не только скорпиону, она сравнивает быстроту её движений с козьями: «ноги у неё были ещё резвы и здоровы, как у козы» [2, с. 491].

Таким образом, «зоологические» определения занимают особое место среди художественных средств типизации в романах Марка Вовчка. Они позволяют автору воспроизвести ряд сатирических женских образов (приживалки; барышни, мечтающей только о выгодном замужестве).

Одно из средств, используемое Н.С. Лесковым в романе «Некуда» (наряду с пародией, карикатурой, шаржем, гротеском, гиперболой, иронией, элементами памфлета, фельетона), – зоологические уподобления. Напомним, что одним из первых романистов пустил в ход «зоологическое определение» по отношению к нигилисту И.С. Тургенев, сравнив в романе «Отцы и дети» Ситникова с зайцем: «Он немножко посеменил ногами, пометался, как гонимый заяц на опушке леса, – и внезапно, почти с испугом, почти с криком объявил, что и он намерен уехать» [16, с. 221].

В одной из глав романа «Некуда», которая называется «Углекислые феи Чистых прудов», Н.С. Лесков, используя несколько зоологических уподоблений, изображает «вдовый загон»: хозяйку салона маркизу де Бараль и пять старых дев с претенциозными именами Серафима, Рогнеда, Ариадна, Раиса и Зоя. Именно в создании этих образов Лесков пошел по пути памфлетного окаркиатуривания реальных лиц общественной и литературной жизни 60-х годов XIX столетия. В маркизе де Бараль современники узнали графиню Евгению Салиас де Турнемир, известную писательницу, редактора журнала «Русская речь», которая печатала свои произведения под псевдонимом Евгения Тур.

Сам Н.С. Лесков в письме к И.С. Аксакову от 9 декабря 1881 г. признавался, что это едва ли не единственный поступок, за который он краснел до конца своей жизни: «Вина моя вся в том, что описал слишком близко действительность да вывел на сцену Сальсихин кружок «углекислых фей». Не оправдываю себя в этом, да ведь мне тогда был двадцать шестой год, и я был захвачен этим водоворотом и рубил сплеча, ни о чем не думая кроме того, чтобы показать ничтожное пустомыслие, которое развело всю нынешнюю гадость. Сеяли ветер и пожинаем бурю» [7, с. 256].

Хозяйку салона, маркизу де Бараль, Лесков наделяет крайне непрезентабельной вороньей внешностью. Её портрет карикатурен: «Маленькая, вертлявая и сухая, с необыкновенно подвижным лицом, она была весьма непрезентабельна. Рассуждала она решительно обо всем, о чем вы хотите, но более всего любила говорить о том, какое значение могут иметь просвещенное содействие или просвещенная оппозиция просвещенных людей, «стоящих на челе общественной лестницы» [8, с. 291]. Её сестра, Ариадна Романовна, «фея собой довольно полная и приятная, но все-таки с вороньим выражением в глазах и в очертании губ и носа» [8, с. 296]. Женское окружение маркизы также изображено посредством анималистической метафоры: «Воронье выражение было у всех «углекислых фей» [8, с. 296].

Воронья внешность дам подкрепляется и речевой характеристикой. Углекислые феи каркают и гогочут. Подобное изображение подчёркивает пустоту, мрачность, хищность персонажей. Графиня говорит много, но не совсем членораздельно, она каркает подобно вороне: «Гггааа!» [8, с. 300]. Автор показывает её в действии, пародирует её хаотические рассуждения, благодаря которым она слывет эмансипированной женщиной: «Маркиза не могла рассуждать спокойно и последовательно; она не могла, так сказать, рассуждать рассудительно. Она, как говорят поляки, «имела зайца в голове», и этот заяц до такой степени беспутно шнырял под ее черепом, что догнать его не было никакой возможности. Даже никогда нельзя было видеть ни его задних лапок, ни его куцего, поджатого хвостика. Беспоконное шнырянье этого торопливого зверька чувствовалось только потому, что из-под его ножек вылетали: “чела общественной лестницы” и прочие умные слова, спутанные и самые беспутные фразы» [8, с. 291].

Комическое рождается здесь из гиперболического развития метонимии, осложнённой зоологическим уподоблением. Вся последующая сцена оживлена появлениями импульсивного и бесшабашного «зайчика» в голове у маркизы: «Маркизин зайчик тут больше всех работал, и нужно ему отдать справедливость, он был самый первый политикан во всем вдовьем загоне» [8, с. 294].

Глава, посвященная описанию вечера в салоне маркизы, называется «Красные, белые, пестрые и буланы». В ней гротескно представлены разномастные участники либерального салона маркизы де Бараль, которые занимают себя пустыми разговорами о судьбе России и русского народа, считая себя передовыми представителями интеллигенции, а не бездельниками. Они упиваются громкими фразами и чураются реальных дел. Писатель шаржирует внешность этих персонажей, а также свойственную им манеру держаться и разговаривать. Либералы кричат, перебивают друг друга, произносят бредовые фразы. Хозяйка салона трещит, как попугай, отвечая Пархоменко на его заявление об отсутствии любви: «Как нет любви? Как нет любви? – вскипела маркиза. – Гггааа! Это их петербургский материализм: радуйтесь! Вы материалист? Вы материалист?...» [8, с. 300].

Маркиза не в первый раз рассказывает об уличных беспорядках и смертях, но ее очевидным образом волнует не гибель людей, а роль мученицы, которую она пытается играть. На страницах, посвящённых описанию либерально настроенных завсегдаев московского кружка маркизы де Бараль, неизменно присутствует ирония. Сравнения с животными помогают автору выставить персонажей в негативном свете. Нагромождение гротескных деталей придает комическую окраску маркизе и ее гостям.

В романе Лескова «На ножах» Глафира Бодростина, жена престарелого губернского предводителя дворянства, Михаила Андреевича Бодростина, вместе с Гордановым строящая планы убийства супруга, с помощью зоологических уподоблений представлена как хищница. Автор постоянно использует описание её движений, которые напоминают повадки и поведение кошки или тигра. Она не передвигается спокойно, а постоянно прыгает. Её движения порывисты и резки. Например, автор замечает: Бодростина «достала пахитоску и, отбросив ногой в сторону кресло, прыгнула и полулегла на диван» [9, с. 166]. Описывая встречу Синтяниной и Бодростиной, автор прямо сравнивает глаза Глафиры с кошачьими: «Левый глаз Глафиры потерял спокойствие и забегал, как у кошки...» [10, с. 264].

Изображая в этом же романе очаровательную и загадочную Ларису Висленеву, заблудившуюся натуру, не верящую ни новой, ни старой правде, Н.С. Лесков использует такой композиционный прием, как предварение. Перед свиданием с Гордановым Лариса испугалась свечи, «которая горела тихо и вдруг вспыхнула: на неё метнулась ночная бабочка и, опалив крылышки, прилипла к стеарину и затрепетала» [9, с. 417–418]. Образ бабочки символичен. Это сама Лариса, красивая, лёгкая, она «опалит крылья» о Горданова. Героиня, подобно бабочке, заканчивает жизнь самоубийством, разочаровавшись во всех окружающих и прежде всего в себе. Маленький эпизод с бабочкой является предзнаменованием трагической судьбы Ларисы.

Героиня не имеет никаких идеалов. Горданов понял эту особенность её природы: «У Горданова Лариса выходила ни умна, ни глупа, но это была, по его точному выводу, прекрасная «собака и её тень». Вся суть её характера заключалась в том, что всё то, что ей принадлежит, ей не нужно» [9, с. 345]. Говоря о собаке и её тени, Н.С. Лесков явно отсылает читателя к басне Жана де Лафонтена «Собака и её тень» («Le Chien qui lache sa proie pour l'ombre»), мораль которой сводится к тому, что люди, бегущие за тенью, то есть призрачным счастьем, гибнут.

Н.Н. Старыгина, рассуждая о человеческом и зверином начале героев антинигилистических романов писателей 60–70-х гг. XIX века, приходит к выводу: «Философско-религиозный спор о человеке сводился, по существу, к антитезе: человек – зверь или человек – образ и подобие Божие» [13, с. 148], тем самым исследовательница оценивает «звериное» как нечто отрицательное, негативное. В романах Н.С. Лескова, как и в романах Марка Вовчка, зоологические параллели служат приёмом сатирической оценки внешности, поведения, сущности персонажей.

Таким образом, использование зоологических определений Лесковым и Марком Вовчком в большинстве случаев восходит к традициям русского устного народного творчества, их «зверинец» представлен традиционными животными, насекомыми, рыбами: заяц, кошка, ворона, карп, муха и т. д.

Зоологические определения усиливают комический, сатирический эффект, помогают писателям гротескно, пародийно, шаржировано, карикатурно представлять персонажей. Зоологические характеристики получают псевдоревOLUTIONеры, псевдоэмансипы, псевдопрогрессисты, псевдолибералы, именно те, кто хотят не быть, а казаться, кто притворяется и хитрит, упивается громкими фразами и чурается реальных дел. Лесков не наделяет зоологическими характеристиками «чистых нигилистов» (Лизу, Райнера, Помаду, героев романа «Некуда»), а Марко Вовчок – «новых женщин» Машу («Живая душа») и Маню («В глуши»): сильных, независимых людей, представляющих, по убеждению писателей, большую редкость в современном им обществе. Пророческие взгляды писателей на женскую эмансипацию и нигилизм представляют несомненный интерес для современного читателя.

Литература:

1. Белецкий А.И. Н.С. Лесков. Личность. Творчество / А.И. Белецкий. – Симферополь : Крымский архив, 2003. – 196 с.
2. Вовчок М. В глуши / М. Вовчок // Вовчок М. Оповідання. Казки. Повісті. Роман. – К. : Наукова думка, 1983. – С. 368–622.
3. Вовчок М. Живая душа / М. Вовчок // Вовчок М. Рассказы из народного русского быта. Живая душа. – К. : Гослитиздат, 1954. – С. 125–467.
4. Горячкина М.С. Сатира Лескова / М.С. Горячкина. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 232 с.
5. Крутікова Н.Є. Наслідки й перспективи досліджень творчості Марка Вовчка / Н.Є. Крутікова // Марко Вовчок : Ст. і дослідження. Зб. наук. праць. – К. : Наукова думка, 1985. – С. 7–22.
6. Крутікова Н.Є. Сторінки творчого життя. (Марко Вовчок в житті й праці) / Н.Є. Крутікова. – К. : Дніпро, 1965. – 390 с.
7. Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 11 т. [Под общ. ред. В.Г. Базанова]. / Н.С. Лесков. – М. : ГИХЛ, 1956 – 1958. Т. 11. : Автобиографические заметки. Статьи, воспоминания. Письма в редакции. Письма. – 1958. – 852 с.
8. Лесков Н.С. Собрание сочинений : в 12-ти т. / Н.С. Лесков. – М. : Правда, 1989. Т. 4. : Некуда. – 1989. – 672 с.
9. Лесков Н.С. Собрание сочинений : в 12-ти т. / Н.С. Лесков. – М. : Правда, 1989. Т. 8. : Загадочный человек. На ножах (части 1–3). – 1989. – 480 с.
10. Лесков Н.С. Собрание сочинений : в 12-ти т. / Н.С. Лесков. – М. : Правда, 1989 Т. 9. : На ножах (части 4–6). – 1989. – 414 с.
11. Маркадэ Жан-Клод Творчество Н.С. Лескова. Романы и хроники / Жан-Клод Маркадэ. – СПб. : Академический проект, 2006. – 478 с.
12. Савкина И.Л. Образ тётушки и приживалки в аспекте «гендерной поэтики»: (на материале прозы Марии Жуковой и Елены Ган) / И.Л. Савкина // Преображение. – 1997. – № 5. – С. 41–46.

13. Старыгина Н.Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860-1870-х годов / Н.Н. Старыгина. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 352 с.
14. Столярова И.В. В поисках идеала. Творчество Н.С. Лескова / И.В. Столярова. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. – 232 с.
15. Троицкий В.Ю. Духовный и зримый идеал женщины у Лескова / В.Ю. Троицкий // Литература в школе. – 1991. – № 2. – С. 8–13.
16. Тургенев И.С. Накануне. Отцы и дети. Степной король Лир / И.С. Тургенев. – Л. : Художественная литература, 1985. – 368 с.

Анотація

В. ПОГРЕБНА, Н. КОЗЛЕНКО. ОСОБЛИВОСТІ ВИКОРИСТАННЯ ЗООЛОГІЧНИХ УПОДІБНЕНЬ У РОМАНАХ М.С. ЛЕСКОВА Й МАРКА ВОВЧКА

У статті окреслюються особливості використання зоологічних уподібнень у романах М.С. Лескова «Некуда», «На ножах», Марка Вовчка «Живая душа», «В глуши». Доведено, що зоологічні визначення посилюють комічний, сатиричний ефект, допомагають письменникам гротескно, пародійно, карикатурно зобразити псевдореволюціонерів, псевдоемансіпе, псевдолібералів.

Ключові слова: зоологічні уподібнення, сатира, гротеск, іронія, карикатура, пародія.

Аннотация

В. ПОГРЕБНАЯ, Н. КОЗЛЕНКО. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗООЛОГИЧЕСКИХ УПОДОБЛЕНИЙ В РОМАНАХ Н.С. ЛЕСКОВА И МАРКА ВОВЧКА

В статье рассматриваются особенности использования зоологических уподоблений в романах Н.С. Лескова «Некуда», «На ножах» и Марка Вовчка «Живая душа», «В глуши». Доказывается, что зоологические определения усиливают комический, сатирический эффект, помогают писателям гротескно, пародийно, карикатурно изобразить псевдореволюционеров, псевдоэмансипе, псевдолибералов.

Ключевые слова: зоологические уподобления, сатира, гротеск, ирония, карикатура, пародия.

Summary

V. POGREBNAYA, N. KOZLENKO. PECULIARITIES OF ZOOLOGICAL ASSIMILATIONS USAGE IN NOVELS OF N.S. LESKOV AND MARKO VOVCHOK

The article describes the peculiarities of zoological assimilations usage in the novels “Nekuda” (“Nowhere”), “Na nozhah” (“At Daggers Drawn”) by N. S. Leskov and “Zhivaya dusha” (“Living Soul”), “V glushi” (“In the Wilderness”) by Marko Vovchok. Zoological assimilations amplify comic and satiric effect as well as help the authors chance to represent for pseudo-revolutionaries, pseudo-flappers and pseudo-liberals in grotesque, parodist and caricature way.

Key words: zoological assimilations, satire, grotesque, irony, caricature, parody.